

защитников; и, как водится, эти защитники ораторствовали во имя прав собственности. Говорили они и во имя «справедливости и равенства», доказывая, что различные общины владеют очень неравными количествами земли на душу, что не мешало им, впрочем, защищать неравенство внутри каждой общины. Эти защитники требовали, чтобы раздел по душам был сделан *обязательным*¹; и очень мало было таких, как Жюльен Суэ, депутат из Вогезского департамента, требовавших удержания мирской собственности в целостности.

Впрочем, после устранения жирондистских вождей Конвент под влиянием Горы уже не допустил, чтобы общинные земли достались одним только зажиточным крестьянам. Но он все-таки решил, что в интересах земледелия разверстка общинных земель желательна и что надо разрешить раздел поголовный, по душам. Рассуждение, на которое поймалось большинство монтаньяров, было то, что в республике не должно быть никого, кто не имел бы права на известную долю принадлежащей республике территории.

Разверстка в силу закона 11 июня 1793 г. должна была произойти по душам, считая *каждого из жителей общины, всякого возраста и обоего пола, находящегося налицо или отсутствующего* (раздел II, ст. 1). Всякий гражданин, не исключая батраков, наемных работников, прислуги на фермах и т. п., проживший в течение года в общине, имел право на свою часть общинных земель. И в продолжение 10 лет участок, доставшийся каждому гражданину, не мог быть описан за долги (раздел III, ст. 1).

Однако же раздел был не *обязателен*. Мирской сход, составленный из всех лиц, имеющих право на раздел и достигших 21-летнего возраста, будет созван, говорил закон, в воскресный день, и сход решит, желает ли он раздела общинных земель или части их. *Если треть голосов будет за раздел, раздел должен быть совершен* (разд. III, ст. 9), и это решение не может быть отменено.

Легко представить себе, какой переворот этот закон производил в жизни деревень. Все земли, отнятые у общин помещиками, церковью, монастырями, ловкими буржуа и другими в силу ли закона о *троении* или при помощи обмана, насчитанных долгов и т. п., теперь могли быть взяты назад крестьянами. Сорокалетняя давность отменялась; можно было восходить вплоть до 1669 г., чтобы отбить земли, нагребленные сильными и хитрыми мира сего.

Кроме того, общинные земли, увеличенные всем тем, что закон 11 июня возвращал крестьянам, принадлежали уже *всем* - всем, жившим в коммуне более года, по числу едоков в каждой семье, включая детей и стариков. Всякое различие между «гражданами» и «присельщиками» исчезало. Общинная земля принадлежала *всем*. Это была целая революция.

Что касается до другой половины закона 11 июня, то, несмотря на все льготы, установленные в пользу тех, кто требовал разверстки (треть жителей могла навязать ее остальным двум третям), разверстка была сделана лишь в некоторых частях Франции, но далеко не везде. В северной Франции, где мало было выгонов и лугов, крестьяне охотно делили мирские угодья. В Бретани же и в Вандее они сильно противились дележу. Все хотели удержать за собой права выгона и пастбища на невозделанных землях.

В некоторых местах много было разделов. Так, например, в департаменте Мозеля, где развито виноделие, 686 общин поделили свои земли (107 - по душам, а 579 - по семьям) и только 119 отказались от разверстки; но в департаментах центральной и западной Франции громадное большинство общин сохранило общинное землевладение.

Вообще крестьяне прекрасно понимали, что после раздела бедные семьи станут еще беднее и обратятся в пролетариев, а потому не торопились делиться.

Нечего и говорить, что буржуазные члены Конвента, которые так охотно говорили о несправедливости, о неравенстве, если закрепить за общинами их право на отобранные у них земли, ровно ничего не предприняли, чтобы поравнять общины, вступавшие во владение некогда утраченными ими землями. Все разговоры этих господ о «бедных общинах, которые ничего не получают», были только предлогом, чтобы ничего не делать и оставлять право на захваченные мирские земли за теми, кто их захватил. Но когда представился случай предложить что-нибудь, чтобы устранить «несправедливость», о которой они так соболезновали, они ничего не предложили².

¹ См., например, речь Р. А. Lozeau, напечатанную для распространения, но постановлению Конвента.

² Один Пьер Бриде представлял исключение (*Bridet P. Observation sur le decret du 28 Aout 1792. Paris, 1793*). Он предложил в сущности нечто сродное тому, что теперь называют национализацией земли. «Общинные земли, — писал он, — представляют *национальную собственность*, и поэтому несправедливо оставить некоторые общины в обладании большим количеством земель, тогда как другие владеют малым количеством». Он предлагал поэтому забрать все общинные земли